

Соть Кривь дурь
21 VI 1986

Пьесы Сартра на московской сцене

Любовь Орлова в роли Лиззи Мак-Кей (спектакль «Лиззи Мак-Кей» Жан-Поля Сартра в Театре имени Моссовета).
Фото В. ПЕТРУСОВОЙ.

Только о «правде» печется почтенный американский сенатор Кларк, вкладывая автоматическое перо в руки простодушной Лиззи Мак-Кей...

Только «правду, всю правду» жаждут услышать, узнать от профессионального мошенника Жоржа де Валера члены одного французского газетного акционерного общества.

«Правды» требуют сенаторы, газетчики, сыщики, судьи... Они требуют, выпрашивают, вырывают, а то и просто стремятся купить ее — кто по дешевке, как Кларк, а кто и не считаясь с расходами, как руководители газетного концерна во главе с Бараном.

Так, срывая маски, обличая до конца глубочайший цинизм подобных «правдоискателей», Жан-Поль Сартр наполняет большим политическим и сатирическим пафосом свои две ярко талантливые пьесы: «Лиззи Мак-Кей» и «Некрасов» («Только правда»).

Что привлекает нас в этих пьесах? Прежде всего огромная, страстная непримиримость писателя к капиталистическим порядкам вещей. Он не хочет, чтобы грязные дельцы и выжиги, на каких бы ступенях общественного положения они ни стояли, могли прикрывать свои мерзкие дела, поступки и затеи высокими моральными соображениями, чтобы безнаказанно использовались человеческое доверие и доверчивость в угоду их темным, низменным инстинктам, чтобы никто не мог на клевете и шельмовании создавать свое подлое «процветание».

Сартр с огромной убежденностью, как основной девиз, как пароль, утверждает: правда нерушима, неделима, ею не торгуют, ее не продают и не покупают!.. Стремясь все больше усилить, заострить, подчеркнуть эту мысль, привлечь к ней общественное внимание, Сартр прибегает к очень дерзкому, вызывающему приему, объединяющему обе эти пьесы. В жизненном потоке людей и событий он выхватывает два драматических сюжета. Драматург смело противопоставляет образы деклассированных, но еще сохраняющих человеческую добропорядочность людей образам уважаемых джентльменов, которые в одном случае (как это рассказано в «Лиззи Мак-Кей») собираются линчевать ни в чем не повинного негра, лишь бы спасти шкуру одного из своих близких, а в другом (как это показано в «Некрасове») — нагреть руки, заработать огромные дивиденды на политической клевете.

Писатель прямо говорит: да, ремесло Лиззи, продающей свою любовь, предосудительно, да, Жорж де Валера — законченный мошенник, но оба они во много раз лучше, чем все эти Кларки, Бараны и иже с ними, громко вопиющие о высоких моральных идеалах, в которые сами не верят и которыми торгуют для своих низменных целей.

Идейное содержание пьес Сартра, их сатирическая заостренность, однако, воплощены в различных драматургических жанрах. «Лиззи Мак-Кей» можно назвать драматической новеллой. Она предельно сжата, сценическое действие, только что возникнув, стремительно развивается и столь же внезапно обрывается на реплике Лиззи, как бы подводившей итог всему тому, что произошло в ее комнате в течение каких-нибудь нескольких часов: «Негр невиновен. А Кларк — они все такие»...

Вторая пьеса — сатирическая трагикомедия, идущая в Театре сатиры под названием «Жорж де Валера», — в своей драматургической форме более развернута. Перед нами проходит целая вереница человеческих характеров, показанных лаконично, сатирически обнаженно и в то же время с удивительной меткостью, в самых главных, существенных чертах. Но если говорить о главной художественной привлекательности этого произведения, то его секрет — прежде всего в блестящем, парадоксальном, афористическом языке драматурга. В обеих пьесах мы чувствуем дыхание национальных традиций французской классической литературы — дух Рабле и Мольера, Мопассана и Анатоля Франса. В фойерверке неиссякаемого остроумия, тонких искривленных реплик, в динамике и изяществе диалогов мы узнаем подлинно галльский национальный характер. Это особенно ощущается в спектакле «Жорж де Валера», поставленном в удачном переводе О. Савича и И. Эренбурга.

Щедрое остроумие пьес Сартра завоевало ему признание самых разнообразных кругов зрителей. Даже консервативная английская газета «Дейли мейл» писала: «Вы можете придержи-

ваться и левых и правых политических взглядов, принадлежать к центру или же быть совершенно аполитичным и все равно вы будете с удовольствием воспринимать остроты пьесы. Но к этому мы должны добавить, что сила остроумия Сартра заключается именно в том, что его стрелы имеют точный адрес и идейную направленность, ибо зло, на которое нападает драматург, — зло действительное.

Язык Сартра придает большую яркость его персонажам. Такие образы, как Лиззи, Жорж де Валера, король газетных заголовков Жюль Палотен, редакционный робот Сибилло, малоудачливый сыщик Гобле, содержат благодарнейший материал для актеров. Но они требуют того легкого, непринужденного мастерства, того блеска и изящества диалога, что так свойственны французской сцене. Это очень верно почувствовал режиссер В. Плучек, поставивший «Жоржа де Валера».

В спектакле привлекают искрометность диалога, четкий ритм действия, внутренняя легкость и непринужденность в игре актеров, без чего эта пьеса могла бы стать скучной и несколько однообразной. В Плучек и большинство исполнителей разгадали театральность пьесы. На сцене все должно происходить стремительно, неудержимо. Никаких психологических пауз, никаких переживаний! Реплики действующих лиц должны сверкать, как острая рапира. И вот, когда это удается актерам, на сцене возникает очень тонкое и изящное искусство. Но стоит только исполнителям или режиссеру несколько замешкаться, как тут же теряется острота и появляется ощущение чего-то тягучего, искусственного. Нечто близкое этому чувствуется в не совсем удачной картине бала.

Но в основном режиссурой и актерами верно понят и выражен стиль пьесы. Превосходное впечатление оставляет игра Г. Менглетта в роли Жоржа де Валера. Именно таким представляешь себе этого мошенника, мастера уговаривать и заговаривать людей и, пользуясь своим природным обаянием, ловко надувать их, оставлять в дураках. В этом образе есть какая-то аристократическая небрежность манер и в то же время внутренняя напряженность, постоянная тревога вечно преследуемого и уставшего в этой борьбе человека. Играет Менглет свободно и легко. Колоритный образ редактора газеты «Суар а Пари» Палотена создает Е. Весник. Его герой внешне грубее, напористее, нахальнее де Валера. В нем нет той легкости и изящества в общении с людьми, которыми так выгодно пользуется де Валера Менглетта. Но сколько же в нем самоуверенности, цепкости, стремительности, сколько неожиданных ходов и поворотов в общении с людьми, в борьбе с препятствиями!

Совершенно поразителен портрет незадачливого Гобле, этого упорного, упрямого преследователя де Валера. В Гобле А. Папанова есть нечто старомодное, несовременное, в какой-то мере похожее на то, что так явственно проскальзывает и в характере газетчика Сибилло в чудесном исполнении В. Лепко.

У Сибилло — трудная и малоблагодарная задача: отыскивать, выдумывать, изобретать сенсации для своей газеты. Эта задача тем труднее, что Сибилло — уже уставший, остывший человек и нет у него ни фантазии, ни энергии на остроумную ложь и тонкую инсинуацию. Ему, как это превосходно рисует В. Лепко, скучно, тоскливо, а может быть, даже страшно жить. Что с ним станет, когда в один прекрасный день его просто вышвырнут из редакции, как ненужный обрывок газеты? Правда, у него есть дочь Вероника, но она сотрудник прогрессивной газеты и своими делами и интересами далека от него. Эту роль с очаровательной грациозностью и непринужденностью играет О. Аросева.

Другим по форме и стилю, но тоже интересным и заманчивым получился спектакль «Лиззи Мак-Кей» в Театре имени Моссовета.

В сценической редакции и в переводе Сергея Юткевича эта пьеса несколько разрослась по количеству картин, увеличилась в деталях. Границы

оригинала были расширены, и явившаяся неизбежным следствием этого некоторая иллюстративность нарушила в какой-то мере рамки жанра и стили пьесы. Именно по этой причине отчасти отяжелело в своем развитии и стремительное драматическое действие «Лиззи Мак-Кей». Тем не менее спектакль волнует, привлекает зрителя, и этому прежде всего способствует безупречная, яркая и выразительная игра Л. Орловой в роли Лиззи. Артистка создала совершенно своеобразный, неповторимый характер. Не затухающая в Лиззи грубоватой пустоты, переходящей в вульгарность, примитивности суждений, ограниченности кругозора, Л. Орлова в то же время рельефно оттеняет в характере своей героини такие черты, как стремление уважать людей, способность верить им, как желание вырваться из той ямы, в которую бросила ее жизнь. Актриса подчеркивает, что в Лиззи есть какие-то цельные, нерастратенные душевные силы. Это и дает ей решимость ценой собственного благополучия спасти жизнь негра, защитить его от дикого самосуда озверевшей толпы.

Л. Орлова глубоко и пристально вглядывается в душу несчастной женщины и оттеняет все то, что делает ее человеческой, что придает ей силы возненавидеть всех тех, кто хочет растоптать, подавить ее человеческое достоинство, самостоятельность решений, проявление воли.

С большой психологической достоверностью создает Л. Орлова этот необычный образ, волнующий своей трагичностью, обнаженной правдой человеческого бытия.

Глубокие симпатии вызывает у зрителей преследуемый, как зверь, по ходу всего спектакля негр в сильном, сердечном исполнении А. Петросяна. Интересна по замыслу игра Б. Оленина в роли сенатора Кларка. Именно такой «вежливый», такой «порядочный», с мягкими интонациями джентльмена мог заворочить и убедить наивную Лиззи. Она, по всей вероятности, и не помнит, чтобы с ней хоть кто-нибудь и когда-нибудь еще так отечески, так тепло и нежно разговаривал. И на какую-то минуту она поддается обманчивому, но такому желанному чувству доверия... Но вот на бумаге поставлена закорючка — подпись Лиззи. И мгновенно спадают чары Кларка, обнажается его злобная, гнусная сущность. Здесь Орлова оттеняет еще одну краску в характере Лиззи — внезапное, но вполне трезвое ощущение происшедшего. Недаром так удивленно звучат ее слова: «Здорово же вы меня провели».

Сцену с Лиззи Б. Оленин — Кларк проводит убедительно, пользуясь довольно скупыми изобразительными средствами. Очень драматична игра В. Сабурова в совсем крошечной роли негра-дворецкого Нельсона. В этой роли почти нет слов, но как выразительны, как печальны глаза Нельсона, когда он смотрит на Лиззи, только что подписавшую приговор невиновному негру.

Именно в таких драматических сценах режиссер спектакля И. Анисимова-Вульф особенно хорошо чувствует стиль и жанр драматургии Сартра.

То внимание и тот живой интерес, который проявили советские зрители к пьесам Сартра, подчеркивают всю ценность инициативы Театра сатиры и Театра имени Моссовета, познакомивших нас с современными произведениями выдающегося французского драматурга.

В. ЗАЛЕСКИЙ.